

УЛУГБЕК
АЗИЗОВ

Конструктивизм
в международных
отношениях

интерпретация

Николаса ОНУФА,
Фридриха КРАТОХВИЛА
и Александра ВЕНДТА

Улугбек АЗИЗОВ

**Конструктивизм в
международных отношениях**

«Алетейя»

УДК 327
ББК 66.4

Азизов У. Б.

Конструктивизм в международных отношениях / У. Б. Азизов —
«Алетейя»,

ISBN 978-5-906792-87-7

УДК 327
ББК 66.4

ISBN 978-5-906792-87-7

© Азизов У. Б.
© Алетейя

Содержание

Введение	6
Глава I	9
1.1. Немецкий идеализм как основа конструктивизма	10
1.2. Теория речевых актов: мы конституируем социальный мир	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Улугбек Азизов
Конструктивизм в международных
отношениях: интерпретация
Николаса Онуфа, Фридриха
Кратохвила и Александра Вендта

Светлой памяти моего отца Батыра Азизова посвящаю

Введение

Теория конструктивизма в международных отношениях возникла в конце 1980-х годов в ответ на редукционистский подход в рамках неореализма и неолиберализма. В развитии данной критической теории огромную роль сыграли Николас Онуф (Nicholas Onuf), Фридрих Крадохвил (Friedrich Kratochwil) и Александр Вендт (Alexander Wendt). Эти ученые в своих конструктивистских подходах дистанцировались от простых каузальных объяснений сложных социальных явлений в международных отношениях, где при объяснении сложных социальных явлений применяются законы, заимствованные, например, из биологии (*эгоизм является врожденным человеческим качеством*) или экономики (*международная структура подчинена принципам микроэкономики, и акторы принимают решения в рамках принципа максимизации полезности*). Основным тезисом конструктивизма, объединяющим всех трех вышеназванных ученых, является то, что сложные социальные явления не могут быть объяснены только в рамках биологических или экономических законов.

Конструктивизм как подход ввел социологическое измерение в дисциплину международных отношений. Этот подход продемонстрировал, что поведение акторов не подчиняется исключительно законам биологии и экономики, оно сложнее и многограннее. Конструктивизм обращает первоочередное внимание на социологию и процесс социализации акторов в системе международных отношений. В рамках конструктивизма на первый план выходят такие понятия, как социальный конструкт, социальные нормы и правила, идентичность акторов и так далее. Под влиянием конструктивизма все эти понятия стали рассматриваться как процесс, который формируется в ходе символического и коммуникативного взаимодействия между акторами. В рамках традиционных школ международных отношений эти понятия соотносились с не подлежащими сомнению фактами (например: все акторы эгоистичны), вследствие чего они, как считалось, не нуждались в тщательном изучении.

Конструктивизм внес огромный вклад в понимание того, что является *истиной* в международных отношениях. Интегрируя социологические теории многих известных ученых, в частности, Макса Вебера, конструктивизм рассматривает вопрос об *истине* с точки зрения интерсубъективизма, т.е. исходя из того, что истина формируется в процессе коллективного действия. Согласно этому подходу, значение социального поведения возникает в соответствии с действиями других в социуме. В рамках традиционных школ международных отношений поведение акторов рассматривалось по принципу рациональности, характеризующейся конечным результатом. В отличие от них, конструктивизм изучает интерсубъективные (конститутивные) нормы и правила, которые являются важными факторами в определении *значения* социальных действий акторов. Все эти основополагающие принципы конструктивизма впервые были высказаны и интегрированы в дисциплину международных отношений благодаря критическим работам Онуфа, Крадохвила и Вендта.

Николас Онуф учился в Йельском университете (магистратура) и университете Джона Хопкинса (докторантура). Он преподавал в таких высших учебных заведениях, как Джорджтаунский университет, Международный университет Флориды, Колумбийский университет, Университет Джона Хопкинса и других. Онуф является членом редакторской коллегии таких журналов, как Европейский журнал международных отношений (European Journal of International Relations), Иранское обозрение международных дел (Iranian Review of Foreign Affairs), Журнал международной политической теории (Journal of International Political Theory), а также ряда других изданий по международной тематике. Онуф одним из первых ввел термин «конструктивизм» в дисциплину международных отношений. В своих работах он в первую очередь рассматривает вопросы идентичности, социальных правил и речевых актов в международных отношениях.

Фридрих Кратохвил получил высшее образование в Джорджтаунском университете (магистратура) и Принстонском университете (докторантура). Он в течение многих лет преподавал в Мэрилендском и Колумбийском университетах (США), а также Европейском университете-институте во Флоренции (Италия). Кратохвил был редактором Европейского журнала международных отношений. Во многих биографических книгах отмечается, что именно Европейский журнал сыграл важную роль в становлении конструктивизма как одной из доминирующих парадигм в международных отношениях. Кратохвил в своих публикациях рассматривает вопросы социальных норм и правил с точки зрения теории речевых актов и теории коммуникативного действия. В настоящее время Кратохвил преподает в Центрально-Европейском университете в Будапеште.

Александр Вендт получил высшее образование в Миннесотском университете, США. В настоящее время Вендт преподает в Университете штата Огайо. Ранее он преподавал в Йельском университете, Дартмутском колледже и Университете Чикаго. Вендт является редактором журнала «Международная теория» (*International Theory*, Cambridge). В своих работах Вендт в первую очередь критически рассматривает подход неореализма, доминировавшего в течение многих лет в теории международных отношений. Вендт системно подходит к изучению акторов и международных структур. Однако, в отличие от неореализма, он интегрирует социальные теории в международные отношения. В целом в рамках конструктивизма изучение акторов и системы международных отношений становится комплексным. Понять эту комплексность акторов не представляется возможным без рассмотрения фундаментальных работ Онуфа, Кратохвила и Вендта.

Целью данной книги является интерпретация основополагающих методологических аспектов конструктивизма в интерпретации Онуфа, Кратохвила и Вендта. Исходя из поставленной цели, книга не охватывает все научные труды упомянутых ученых. В ней рассматриваются лишь те работы, где речь идет о фундаментальных методологических подходах конструктивизма. В данной книге предпринимается попытка обстоятельно проанализировать конструктивизм с точки зрения методологического понимания международных отношений.

По сей день конструктивизм изучается и преподается во многих странах постсоветского пространства поверхностно и обобщенно. Считается, что теория конструктивизма является однородной и в целом сводится к тезису о том, что идейные факторы играют важную роль в международных отношениях. В качестве яркого представителя «обобщенного» конструктивизма упоминается, в большинстве случаев, только Вендт. Мы постараемся преодолеть этот обобщенный подход к конструктивизму и продемонстрировать, что данная теория довольно многообразна с методологической точки зрения. Наряду с Вендтом, основоположниками конструктивизма являются также Онуф и Кратохвил. Все эти ученые по-разному подходят к вопросу о том, как идейные факторы конструируют акторов в международных отношениях. Онуф, Кратохвил и Вендт основывают свои методологические подходы на разных социальных теориях, в частности, на теории речевых актов, теории коммуникативного акта, теории символического интеракционизма и других. С целью обстоятельного рассмотрения конструктивизма мы начнем свой анализ с обсуждения указанных социальных теорий. Без их понимания понять конструктивизм не представляется возможным.

Книга рассчитана на политологов, сотрудников научно-исследовательских учреждений и на тех, кто интересуется международной тематикой с научно-методологической точки зрения. С учетом роста научного интереса к критическим школам международных отношений в постсоветском пространстве, книга может быть полезна в первую очередь студентам и преподавателям высших учебных заведений, специализирующихся на преподавании политологии и теории международных отношений. Благодаря междисциплинарному подходу автора ее также можно использовать в преподавании социологии, юриспруденции, лингвистики и психологии. Книга состоит из четырех глав.

В первой главе «Методологические основы теории конструктивизма» обсуждаются социальные теории, которые в XX веке привели к переходу от традиционного атомизма к интерсубъективизму в сфере изучения общества. Интерсубъективная методология анализа общества берет свое начало в немецком идеализме, в частности, в социологии Макса Вебера. В дальнейшем она получила свое развитие в рамках теорий речевых актов, коммуникативного действия, символического интеракционизма и когнитивной лингвистики. Так как интерсубъективизм является основой для теории конструктивизма, в данной главе я обстоятельно анализирую немецкий идеализм Вебера, теорию речевых актов и когнитивную лингвистику.

Во второй главе «Николас Онуф и его подход к конструктивизму» я анализирую основные работы Онуфа, которые впервые поставили под сомнение релевантность традиционных теорий в изучении международных отношений. Свой конструктивистский проект Онуф основывает на теории речевых актов и объясняет её роль в изучении социального действия акторов в системе международных отношений. В данной главе также дается анализ поздних работ Онуфа и мнение других ученых о нем и его роли в развитии теории конструктивизма.

В третьей главе «Фридрих Кратохвил и его конструктивистский проект» я интерпретирую работы Кратохвила, который также критически оценивал традиционные школы международных отношений. В отличие от Онуфа, Кратохвил в своем конструктивистском проекте основывается на теории коммуникативного действия. Работы Кратохвила трудно понять без рассмотрения теории символического интеракционизма, о которой идет речь в первой главе. Хотя сам Кратохвил не упоминает о символическом интеракционизме, его анализ социального действия отражает взгляды данной теории. В третьей главе приводятся мнения других ученых-конструктивистов о Кратохвиле и его критическом проекте.

В четвертой главе «Александр Вендт: конструируемая анархия» я интерпретирую конструктивистский проект Вендта и его вклад в обсуждение проблематики «агент-структура» в международных отношениях. Вендт в своих работах основывается на прагматизме и символическом интеракционизме. Данный теоретический аспект работ Вендта отличает его от Онуфа и Кратохвила. В этой главе я также рассматриваю мнение других ученых о Вендте и его позднем проекте, который он основывает на квантовой теории.

Данная книга написана в рамках моей работы над докторской диссертацией в университете г. Эрфурта, Германия. В своей диссертации я рассматриваю идею «пространства» (territorial trap) в международных отношениях применительно к региону Центральной Азии. Центральная Азия как политическое пространственное понятие включает пять стран: Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. Используя подход критических школ в международных отношениях, в том числе и конструктивизм, я интерпретирую концепт «Центрально-Азиатское пространство» как социальный дискурсивный конструкт и анализирую его применительно к политике Казахстана в рамках Евразийского экономического союза¹.

Я благодарю профессора университета Эрфурт Франка Эттриха за оказанное содействие в подготовке данной книги. Также выражаю благодарность Скворцову Николаю Генриховичу, профессору, декану факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, за рецензирование данной книги.

¹ Azizov (2015, forthcoming).

Глава I

Методологические основы теории конструктивизма

Понимание конструктивизма в международных отношениях не представляется возможным без рассмотрения немецкого идеализма, теории речевых актов и когнитивной лингвистики. Говоря о немецком идеализме, я не имею в виду философское направление от Канта до Гегеля XVIII–XIX веков в немецкой философии. Я, прежде всего, имею в виду методологический аспект немецкого идеализма, требовавшего отделения естественных (природных) процессов от социальной реальности в научном анализе. В центре немецкого идеализма находится методологическая потребность в интерпретации (герменевтике). Герменевтика направлена на понимание смысла, который вкладывает в то или иное действие сам участник этого действия. Этот методологический подход стал актуальным благодаря переосмыслению значения социального действия в рамках немецкого идеализма. В отличие от английского утилитаризма, основанного на принципе максимизации полезности, немецкий идеализм утверждает, что значение любого социального действия определяется его соотношением с другими действиями в социуме. Любое социальное действие ориентируется на действия других людей, а не на принцип максимизации полезности. Именно герменевтика легла в основу теории конструктивизма в международных отношениях.

Теория речевых актов также оказала огромное влияние на развитие конструктивизма в международных отношениях. Теория речевых актов во многом впитала в себя логику немецкого идеализма в том плане, что она тоже не приемлет утилитаризм. Центральным в теории речевых актов является то, что значение утверждений определяется в рамках intersubjectively разделяемых социальных норм, правил и социальных конвенций. В теории речевых актов язык становится не только инструментом описания социальной действительности, но и играет огромную роль в совершении определенных социальных актов, т.е. в конструировании социальной реальности. Еще одним направлением, оказавшим влияние на конструктивизм, была когнитивная лингвистика. В отличие от традиционного лингвистического подхода, когнитивная лингвистика утверждает, что понимание социальной реальности зависит от понимания конвенциональных языковых единиц (слова, фразы, метафоры и так далее). В рамках когнитивной лингвистики значение слова происходит от социальных конвенций, а не от объективных категорий Аристотеля. В целом немецкий идеализм как методология, теория речевых актов и когнитивная лингвистика являются концептуальной базой для понимания теории конструктивизма в международных отношениях.

1.1. Немецкий идеализм как основа конструктивизма

Известный британский социолог Энтони Гидденс в своем предисловии к работе Макса Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» рассуждает о том, насколько немецкая философия XIX-го века отличается от философии того же периода в Англии. Он отмечает, что доминировавший в Британии утилитаризм Джона Стюарта Милля, ученика французского философа, позитивиста Огюста Конта², не прижился на немецкой почве. Немецкий идеализм всегда требовал отделения изучения природы от изучения социальной реальности. В центре изучения социальной действительности находится методологическая потребность в интерпретации (герменевтике). В развитии герменевтики огромную роль сыграл немецкий философ Вильгельм Дильтей. В отличие от Конта, Дильтей предлагал методiku изучения через понимание, интерпретацию, а не посредством внешнего наблюдения (каузальная методика). Понимание человека через интерпретацию ставило в центр такой методологии изучение истории, экономики и пр. Это было обусловлено тем, что социальные структуры, которые придают определенное значение человеческим действиям, конституируются в процессе социального, экономического, политического развития³.

Со своей стороны, Вебер, в отличие от позитивистов, пришел к выводу, что социальная реальность требует интерпретации и понимания (*verstehen*)⁴ социологии человеческого действия и поведения. Человеческое поведение Вебер привязывает к субъективному значению, возникающему из намерения субъекта в том или ином обществе. При этом намерение субъекта не является автономным, а приобретает свое значение в рамках действий других людей в социуме. В этом смысле человеческое поведение в какой-то мере всегда является эмоциональным. Человеческое поведение мотивируется социальной средой (намерение человека является коллективной категорией) и эмоциональными аспектами человека (например, любовью). Таким образом, метод *понимания* и *интерпретации* Вебера обращает внимание на социальный характер и контекст значения, его обусловленность эмоциональными аспектами, субъективными мотивами и так далее. Человек, нацеливший свое оружие на другого человека, может быть мотивирован приказом своего командира в условиях боевых действий, или же он целится во врага (рациональное поведение), или он может действовать из чувств реваншизма (иррациональное поведение, эмоциональный аспект социальной жизни). Следовательно, интерпретация человеческого поведения означает рассмотрение исторического аспекта такого поведения и его социального контекста⁵.

Вебер одним из первых рассмотрел социальное действие человека в более широком контексте, не ограничиваясь миллевским утилитаризмом. Социальное действие характеризуется тем, что оно координируется в социальном контексте, т.е. в потоке действий других людей. Вебер отмечает, что попытка недопущения столкновения двух велосипедистов, едущих навстречу друг другу, т. е. попытка предотвращения конфликта, является социальным действием. Велосипедисты будут конструировать свое действие в соответствии с действиями друг друга. Значение данного социального действия не определяется максимизацией полезности (когда каждый хочет выжить любым способом). В то время как рациональное поведение характеризуется конечным результатом (например, одновременное раскрытие зонтов на улице, когда начинается дождь), социальное поведение приобретает свое значение из действия Дру-

² См., например: Smith (1996). Конт утверждал, что общество должно изучаться при помощи того же метода, что используется в естественных науках, в частности метода наблюдения.

³ Weber (2005: VIII–IX).

⁴ Weber ([1919] 1994, [1921] 2004).

⁵ Weber ([1921] 2004: 314-6).

гого⁶. Подобное социальное поведение известно в социологии под названием «интерсубъективное поведение». Это понятие легло в основу концептуализации теории конструктивизма в международных отношениях.

Вебер отмечает, что социальное действие может быть обусловлено следующими четырьмя аспектами: *инструментальная рациональность* характеризуется конечным результатом с точки зрения выгоды; *ценностная рациональность* определяется этическими, эстетическими, религиозными, культурными ценностями; *аффект* мотивируется эмоциями человека; *традиция* описывает действие, которое усваивается через каждодневное повторение, обучение и тому подобное. В рамках данного действия определенный социальный субъект или объект становится обычным, традиционным, свойственным определенному обществу⁷. Своим анализом социального действия Вебер внес огромный вклад в развитие конструктивизма. Он указал на интерсубъективное поведение как источник понимания природы человека. Социальное действие по Веберу – ценностная рациональность, аффект, традиция – открыло возможность для обсуждения роли интерсубъективных идейных структур и социальных конвенций⁸, которые наделяют материальные структуры определенным значением и содержанием. Данный тезис является центральным в теории конструктивизма. В теории утилитаризма, критикуемого Вебером, изучаются только материальные факторы для того, чтобы понять значение социального объекта. Вебер отходит от этого методологического редукционизма.

В своей книге «Протестантская этика и дух капитализма» Вебер развивает тезис о том, что идейные структуры определяют содержание материальных факторов. Данный тезис является критическим осмыслением философии Маркса, отдававшего приоритет материальным структурам над идейными факторами при объяснении социального действия. В марксизме идейные факторы сведены к материальным структурам, а сами идеи не имеют независимого значения и не влияют на материальные факторы. Например, чтобы понять социальную природу, т.е. идентичность и интересы человека и общества, марксисты строят свой анализ, исходя из материальных факторов, а конкретно из средств производства. Как утверждает Гидденс, Вебер отходит от материалистической интерпретации социального действия с характерным для нее экономическим детерминизмом. Вебер отмечает, что материальные факторы сами по себе недостаточны для того, чтобы объяснить социальные действия. Соответственно, к материальным факторам Вебер добавляет идейные и моральные факторы, которые наделяют экономические структуры определенными смыслами. Именно эти смысловые структуры определяют поведение человека и, в конечном счете, ход истории, а, значит, одни лишь материальные факторы не могут объяснить переход от одной исторической формации в другую⁹.

Вебер в своей книге отмечает, что капитализм – торговля, предпринимательство, заимствование денег и так далее – существовал еще в Вавилоне, Индии, Китае и Риме. Но капитализм, который сформировался на Западе в эпоху модерна, имел иные структурные особенности, не характерные для прошлых эпох. Эпоха модерна на Западе характеризуется рационализацией общественной жизни. В связи с этим Вебер указывает на термин «*рациональность*», имея в виду два аспекта: во-первых, организацию капитализма в рамках труда свободных людей (не рабов) и, во-вторых, отделение бизнеса от домашнего хозяйства, т.е. ведение

⁶ Weber ([1921] 2004: 327-8).

⁷ Weber ([1921] 2004: 329).

⁸ Вебер (Weber, [1921] 2004: 337) отмечает, что ценностная рациональность, аффект и традиция представляют собой определенную социальную конвенцию, в рамках которой общество рассматривает то или иное политическое устройство как легитимное. Именно эти разделяемые в обществе ценности наделяют материальные структуры значениями, на основе которых люди организуют свое общество. Классическое представление о политическом устройстве общества исходило из понятия законности (инструментальная рациональность). Предполагалось, что эффективное функционирование законности возможно только в том случае, если она поддерживается структурой физического наказания, т.е. санкции суверена. Считалось, что материальные факторы с точки зрения физического наказания определяют идейные структуры и порядок в обществе.

⁹ Weber (2005: X–XII).

отдельного бухгалтерского учета для бизнеса, что стало возможно только в условиях свободного труда. Вебер отмечает, что мир не знал свободного труда до западного модерна. Структура экономических отношений существовала до этого и в других регионах, но именно рационализация этих структур отличает Запад эпохи модерна¹⁰.

По мнению Вебера, рационализация социальной жизни, т.е. принятие человеком рационального типа поведения происходит благодаря идейным структурам в обществе. Рациональный тип поведения одобряется на психологическом уровне. В связи с этим Вебер указывает на религиозные ценности, т.е. на идейные структуры протестантизма, которые способствовали принятию рационального уклада жизни. В начале своей книги Вебер обращает внимание читателя на эмпирическую взаимосвязь между протестантизмом и богатством: среди протестантов больше богатых, чем среди католиков; католики занимаются ремесленным делом, в то время как протестанты имеют высокое положение в промышленности, и так далее. Причину этой взаимосвязи Вебер ищет во внутренней идейной структуре протестантизма. По его мнению, католики предпочитают жить в безопасности. Они не подвергают свою жизнь рискам, изменениям и довольствуются малым доходом. Народная мудрость гласит: «Либо хорошо есть, либо спокойно спать», так вот для католиков внутренней движущей силой будет желание «спокойно спать», в то время как протестантов характеризует желание «хорошо есть»¹¹.

Внутренний импульс протестантов Вебер анализирует с точки зрения «духа капитализма». Цитируя Бенджамина Франклина, который любое социальное явление соотносил с экономической выгодой, Вебер указывает на то, что в Новое время в странах Запада именно скупость становится этическим императивом. Для капиталиста эти наставления Франклина становятся моральной нормой повседневной жизни. Западный капиталист стремится к бесконечной аккумуляции денег, в то время как в другие времена и в других странах (в Индии, в Китае, в средневековой Европе) деньги выступают в качестве средства хозяйствования. В традиционном обществе человек спрашивает себя: «Сколько я должен работать, чтобы заработать в день, например, 2,5 марок, как я заработал вчера?», в то время как капиталиста интересует, «сколько я смогу заработать в день, если буду работать на пределе своих возможностей». Максимизация, расчет, экономическая рациональность – все это становится частью духа капитализма в эпоху Реформации на Западе. Этика капитализма была пропитана идеей о том, что «аккумулируя деньги, вы становитесь хорошим; имея много денег, вы создаете рабочие места; создавая рабочие места, вы становитесь морально правильным человеком»¹².

По мнению Вебера, понять, почему моральные наставления Франклина относительно максимизации прибыли, расчетливости и экономической рациональности прижились среди протестантов на Западе, невозможно без рассмотрения идейно-психологических структур буржуазного общества. В связи с этим Вебер вводит понятие *Beruf* (профессия), ранее не существовавшее в католицизме. Понятие *Beruf*, которое первым стал использовать Мартин Лютер, изменило представление христиан о бытии, поместив центр существования не в жизнь после смерти, как это было в римско-католической церкви, а в мирскую жизнь. Это понятие предполагало занятие профессией в мирской жизни, ибо сам Бог призывает человека делать что-то хорошее здесь, на земле и в частности на работе. Убеждающая сила этого понятия проистекала из лютеровского перевода Библии. Поэтому *Beruf* стало в определенном смысле сакральным понятием не только для немцев, а для всех верующих протестантов. Приносить пользу в мирской жизни и на работе становится для них моральным обязательством. Впоследствии эта идея стала движущей силой развития капитализма¹³.

¹⁰ Weber (2005: XXXIV–XXXVI).

¹¹ Weber (2005: 5-6, 8).

¹² Weber (2005: 14-17, 24).

¹³ Weber (2005: 39-40, 44, 49-50).

Подводя итог, отметим, что Вебер внес огромный вклад в развитие конструктивистской теории международных отношений. Он продемонстрировал, что именно идейные структуры наделяют материальные факторы определенным смыслом и значением, а на основе этих значений и смыслов конструируются социальные действия. Вебер показал, что социальные действия не могут быть объяснены только в рамках позитивистского наблюдения. Социальный мир требует понимания и интерпретации intersubjectively действия, что становится методологией конструктивистов. Понимание и интерпретация помогает деконструировать материальные факторы и увидеть, на каких идейных основах эти материальные факторы держатся. По мнению Вебера, материальные факторы существуют независимо от идейных структур. Однако институционализация этих материальных структур в обществе невозможна без идейного содержания. Согласно Веберу, структурные изменения в обществе происходят, когда эти идейные факторы совпадают с материальными структурами.

Если Вебер создал предпосылки для понимания intersubjectively действия, то Юрген Хабермас обратил внимание социальных теоретиков на языковые аспекты социального действия. Стеффек отмечает, что в начале 1990-х годов несколько немецких конструктивистов предприняли попытку усовершенствовать теорию социального действия, чтобы создать достойную альтернативу теории рационального выбора. Данная попытка концептуализации новой теории базировалась на работе Хабермаса «Теория коммуникативного действия»¹⁴. В своей работе Хабермас разделяет коммуникативное и стратегическое действия. Это разделение легло в основу методологической концепции нового направления. Коммуникативное действие Хабермаса представляет собой процесс *аргументации*, результатом которой является убеждение кого-либо и изменение его мнения посредством активизации социальных норм. Изучение социальных норм и правил находится в центре внимания всех конструктивистов, включая Онуфа и Кратохвила. Конструктивисты критикуют теорию рационального выбора за ее ограниченность в объяснении социального действия. В центре теории рационального выбора находится процесс достижения выгодной с экономической точки зрения сделки. Рациональное действие такого типа Хабермас называет «стратегическим действием»¹⁵.

Конструктивисты с готовностью восприняли хабермасовское понятие «коммуникативное действие», которое, по их мнению, более адекватно отражало суть социального действия. Процесс убеждения, согласно конструктивизму, является главным механизмом активизации и распространения социальных норм в рамках коммуникативного действия. В коммуникативном действии понимание достигается через аргументированный консенсус. Данный консенсус необязательно должен базироваться на экономической выгоде, как этого требует теория рационального выбора. Достижение консенсуса означает изменение мнения или действия актора через аргументацию. Акторы приходят к согласию в результате расчета экономической выгоды, но и потому, что другие акторы убедили их в процессе коммуникативного взаимодействия. Хабермас обращает внимание на то, что консенсус достигается не просто так, а в результате достижения понимания по трем «притязаниям на значимость» в коммуникации: сказанное является *истинным*, т.е. оно основывается на фактах¹⁶; сказанное является *правильным* с точки зрения существующих моральных норм¹⁷; и сказанное является *истинным*, так как оно

¹⁴ См.: Habermas (1984, [1987] 2005).

¹⁵ Steffek (2010: 193-4, 201).

¹⁶ Слово «факт» в данном контексте следует понимать предельно широко. Факты представляют собой в том числе те парадигмы и теоретические взгляды, которые в том или ином обществе считаются истинными. Поскольку мы живем в эпоху науки, доминирующим теоретическим взглядом в наше время является рационализм, т.е. факт рационального доказательства. Многие факты в нашем рассуждении основываются на рационализме, и подобное рассуждение принимается как истинное во многих обществах. Рационализм может быть заменен другим фундаментальным взглядом в рамках «смены парадигм», если использовать терминологию Томаса Куна.

¹⁷ Помимо рациональных рассуждений, общество оперирует также моральными принципами. Моральные принципы активируются в процессе аргументации и могут быть приняты (как применимые к той или иной ситуации) или опровергнуты

в значительной степени подкрепляется авторитетом говорящего¹⁸. В стратегическом действии, согласно Хабермасу, эти три притязания отсутствуют¹⁹. Поэтому, чтобы понять коммуникативное действие, конструктивист должен изучать эти три притязания, не ограничиваясь только теорией и методологией стратегического действия.

Для того, чтобы был достигнут консенсус, коммуникация должна базироваться на этих трех притязаниях на значимость. При этом коммуникация координируется не только тем, кто высказал эти три притязания, но и теми, кто на них реагирует. При этом другая сторона может аргументировано доказывать, что высказанное является ложью с точки зрения фактов, что оно неприемлемо с точки зрения морали или что собеседник неискренен. Данная ситуация является нормальной с точки зрения дальнейшего продолжения аргументации для достижения консенсуса. Достижение консенсуса – это длительный процесс, в рамках которого акторы конструируют друг друга. Акторы меняют свое мнение, принимают новые моральные нормы поведения в процессе аргументации²⁰. В этом отношении подход Хабермаса выводит на первый план язык, который выполняет функцию конструирования акторов, а не пассивно описывает реальность²¹.

Критический подход Хабермаса не следует понимать радикально, утверждая, что все в мире происходит в рамках коммуникативного действия. Акторы действуют как в рамках стратегического действия, так и коммуникативного. Более правильно интерпретировать теорию Хабермаса следующим образом: кроме стратегического действия акторы вовлекаются и в коммуникативное действие, и сами они также конструируются в рамках коммуникативного взаимодействия. Теория рационального выбора не может дать исчерпывающего ответа на все вопросы относительно социального действия акторов в международных отношениях. Действие актора должно быть объяснено также в рамках коммуникативного действия. Так как социальный мир актора не ограничивается стратегическим действием, «притязания на значимость» играют огромную роль для понимания конструирования его мотивов и идентичности. Хабермас и Вебер схожи в том, что оба они в рамках своих критических проектов показали важность идейных структур в конструировании социальной действительности (дух капитализма для Вебера и «притязания на значимость» для Хабермаса). Именно эту методологическую реальность немецкий идеализм вынес на рассмотрение конструктивистов. В целом немецкий идеализм создал методологическую базу для развития и концептуализации конструктивизма в исследовании международных отношений.

только в рамках практического дискурса.

¹⁸ В процессе аргументации роль адресанта имеет огромное значение с точки зрения убедительности того или иного утверждения. Сила убеждения возрастает, если слова адресанта в прошлом совпадали с его делами.

¹⁹ Steffek (2010: 195).

²⁰ Стеффек (Steffek 2010: 198-9) отмечает, что существуют определенные методологические трудности в связи с выявлением того, что именно повлияло на достижение консенсуса – исключительно убеждение, или же другие факторы тоже сыграли важную роль в изменении мнения актора. Однако конструктивисты обращают внимание на логическую последовательность речей акторов в рамках переговорного процесса. В коммуникативном взаимодействии конструктивисты изучают социальные нормы, используемые в переговорных процессах. Изучение социальных норм выявляет морально-этические аспекты социальной действительности. Если исходить из того, что морально-этические нормы влияют на акторов, то можно утверждать, что они также конструируются под воздействием социальных норм в рамках переговорных процессов. Для более обстоятельного обсуждения этой проблемы см. работы Онуфа и Кратохвила.

²¹ Steffek (2010: 196).

1.2. Теория речевых актов: мы конституируем социальный мир

Методологию конструктивистов невозможно понять без рассмотрения теории речевых актов. Речевые акты, по мнению Хабермаса, представляют собой иллокутивный лексикон, в рамках которого язык и институциональный строй проникают друг в друга²². Таким образом, речь – текстовая или нетекстовая, литературная или нелитературная – играет важную роль в конструировании общества. Речевые акты были впервые проанализированы британским философом Джоном Остином²³. Основной тезис теории речевых актов заключается в том, что речевые акты не только регулируют общество, но и конституируют его; они конструируют социальные институты, в рамках которых люди мыслят, анализируя ситуации и проблемы с учетом коллективных целей.

В книге «Как делать вещи при помощи слов» Остин разделяет перформативное предложение (*performative utterance*) и констатирующее предложение (*constative utterance*). В то время как констатирующее предложение основывается на утверждении чего-либо, что может быть оценено с точки зрения «истинный» или «неистинный» (например, *на столе стоит стакан*), перформативное предложение не требует оценки в рамках такой дихотомии. Следовательно, употребление перформативного предложения в 1-ом лице настоящего времени означает непосредственное совершение названного действия, а не указание на его «истинность» или «неистинность»²⁴. Рассмотрим в качестве примера предложение: «*Я обещаю отдать вам книгу завтра*». В данном предложении обещающий (я) не описывает пассивно данную реальность, а совершает действие: он активизирует социальные нормы среди разговаривающих относительно того, что является «обещанием» в том или ином обществе; он изменяет социальную реальность в плане того, что меняется положение дел, социальные структуры до обещания и после него. Крадохвил отмечает, что социальные нормы и правила определяют характер перформативных актов, т.е. то, что является «договором» или «контрактом» в случае связывания себя обязательствами (*commit oneself to*), или что является обязательством (*promise*)²⁵

²² Onuf (1989: 82).

²³ Austin (1962).

²⁴ Austin (1962: 4-5).

²⁵ Kratochwil (1991: 93).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.